

Память

Наталья ЯШИНА-ПОПОВА

ВОИН АЛЕКСАНДР

Главная тема всего творчества Александра Яшина – **любовь!**

«Какая Вами двигала любовь!» – сказал о его стихах поэт Анатолий Передреев.

Яшин и до войны преданно любил родную землю, особенно свою малую родину – вологодскую. Он **уже** служил ей своей любовью и преданностью, но ещё **не был** **воином**. К военным дням относится такая запись: «...Великая любовь к родной земле, к её лесам, полям, деревням, к русским собакам, к русским медведям и великая ненависть к врагу рождается на войне».

Воином он стал с самого начала войны, на которую ушёл добровольцем в 28 лет. Дневник Яшина: «22 июня 1941г. День нападения Германии на Советский Союз. (...) Надо подготовиться ко всему. Я всё ещё нахожусь под обаянием «Войны и мира» Л. Толстого. Решил быть на войне, всё видеть, во всём участвовать. Сейчас будет делаться новая история мира, и тут бояться за свою жизнь стыдно. Надо **быть впереди**, **быть везде**, чтоб после, если останусь жив, не было стыдно за себя и жалко, что в такое время я что-либо упустил. Николай и Петя Ростовы и Пьер Безухов – образцы для меня. Я их вижу как живых...»

Но уже через три месяца он пишет:
*«Всё шло не так, как представлялось,
 Как в книгах вычитал, –
 Не так. Всё было ново: дождь, усталость,
 Разрывы мин и гул атак».*

А через десять лет по-другому: **«Трудом опасным и тяжёлым /Война была для нас для всех».** Отныне вся жизнь его идёт в сопоставлении мира и войны: на войне он видит перед собой родные с детства места, чтобы помнить за что сражаются, за что жизни свои отдают. Раненный солдат вспоминает родную довоенную деревню:

*«Что я припомнил в этот миг?
 Леса, деревни, в палисадниках рябину,
 Под солнцем поле спелого овса
 И матери натруженную спину...
 Просторны тёсом крытые дворы,*

*В холмистом поле широки загоны.
 Как многолюдны свадьбы и пиры,
 Как сарафаны девичьи пестры,
 Каким достоинством полны поклоны!»*
 А, вернувшись с войны, картины природы, мирной жизни, вызывают в памяти образы войны, даже, когда поэт пишет о птице, о кулике:

*«А он один в гнезде своём,
 Как в поле воин Перед боем
 С противотанковым ружьём».*

Как о чуде вспоминает поэт о главных впечатлениях своей жизни:

*«Я видел большую воду –
 Апрельский разлив и спад...»*
 «Это и я видел», – скажут многие. Но, продолжает поэт, и это уже редко кто видел: **«И как журавли в непогоду /Домой под обстрел летят».**

Стихотворения военного времени очень разные.

И повествовательные, и лирические, и героические, и призывно-плакатные. Конечно, были и риторика и агитация, необходимые тогда в каждодневной работе, и фиксирование сиюминутных событий. Всё это тоже входит в одну летопись о Великой Отечественной войне. Но были и стихотворения-обобщения, размышления – и везде – боль и любовь. В очень многих стихотворениях послевоенного времени образы, метафоры, просто строки, пропитаны воспоминанием войны. Особенно показательно стихотворение «Сопоставления», написанное за год до смерти поэта, где он поле подсолнухов видит готовым к бою войском во главе со своим предводителем-маршалом – солнцем. И сам признаётся, глядя уже на мирное поле:

*«Мир придёт, но долго сниться
Будет нам военный гром,
Будем звать между – границей,
Реку – водным рубежом.»*

В 1961-м году Яшин записывает: «Попробуйте передать на бумаге крик чибиса. Кто слышал – поймёт. Так и с войной». Война стала переживанием, не отходившем от него ни на минуту, воспоминанием, ставшим фоном всей последующей жизни. Голос войны сопровождает его до конца дней. Лето 1960-го года он прожил на Сладком острове в Белозерье, о котором рассказывает в стихах:

*«Вот и я побывал в раю...
Многослойная тишина,
Разнотравье и разноцветье...
Да была ль на земле война?
Где, какое оно – лихолетье?»*

А цикл рассказов о Сладком острове, самый мирный, семейный, лирический, начинается так: «Никакая литература, никакие очевидцы, даже отец родной, не могли мне дать правильного представления о войне, пока я на ней сам не побывал. Зато, побывав и в огне, и в ледяной воде, я совершенно по-новому стал читать Льва Толстого. Он лучше всех передаёт состояние человека на войне».

В 1964 году поэт пишет о своём долге как участнике войны: «Ленинград в годы блокады – не тема для сочинений. Тут всё пахнет кровью и не требует домыслов. Более сильных картин людского горя и героизма не может представить самое воспалённое воображение. В этом случае надо писать либо так, как всё было, как ты видел, либо не писать совсем. Я много лет не мог даже рассказывать о виденном и пережитом в Ленинграде, а также первых месяцах войны под Ленинградом, ничего не рассказывал даже своим близким людям. Всё казалось, что принижу пережитое и перечувствованное. Тем более, что рассказчиков хватало и без меня. Поэтому же и не писал ничего. Но *дневники* я в Ленинграде вёл, и они тревожат меня... Скажу ли я что-либо новое, добавлю ли что-нибудь к тому, что уже написано и опубликовано другими, не знаю. Но мне это уже необходимо для себя. Тем более что это будут показания ещё одного **свидетеля**, а они никогда полностью не повторяют одно другого». К сожалению, не успел...

Когда он говорил о том, что долго не мог писать о войне и, что «рассказчиков хватало» и без него, он имел в виду, что многие в литературе тогда спекулировали на военной теме. Яшин называл таких «писателей» «литературными промышленниками». И об этом у него есть:

*«Как только совести хватило
Писать елейным маслом бой!
Ведь кровь, бывало, стыла в жилах,
Людская кровь лилась рекой...»*

Теперь в литературу пробрались промышленники совсем других тематик. Но литература ли это?!

Не успел... И всё-таки военная тема не оставляла его. К этому времени относятся и такие строки: «Десяток лет и два десятка Спокойствия и тишины, а я как та вдова солдатка всё не опомнюсь от войны». **Свидетелем** он стал своим творчеством. Книгами стихов, вышедшими за годы войны: «На Балтике было», «Город гнева», «Клятва», «Земля богатырей». Поэмами, написанными непосредственно в блокадном Ленинграде, и в горящем Сталинграде. «Яшин не писал стихи за линией фронта, – вспоминает командир канонерской лодки «Усыскин»: – Он был с нами в самых опасных схватках с врагом, участвовал в боях на переправах и в десанте под Латашанкой. Бомбили его на «Усыскине», обстреливали на КП Северной группы». Обстрел Сталинграда в поэме «Город гнева» описан им, как очевидцем, точно:

*«...Сгорал тротуар –
Загоралась грязь,
Кусты дотлевали –
Песок дымился.
В сады словно осень вдруг ворвалась –
Листва пожелтела.
Зола взвилась:
С началом пожара шторм разразился.
Народ бежал из подвала в подвал,
В овраги, в щели,
Где воздух не жжется.
Казалось, по улицам Волга льется –
Народ за вокзал, пригнувшись, бежал
И, задыхаясь в дыму, ночевал
В водопроводных колодцах.
Была эта полночь светлее дня,
Трещали убежища-катакомбы.
И странная мысль навестила меня,
Что враг ужаснется лавине огня, -
куда уж тут сбрасывать новые бомбы.
Но немец бросал,
Кружил и бросал,
Долбил, поджигал
По часам – аккуратно.
Через четыре немецких часа
Он, нагрузившись, летел обратно.»*

Надо сказать, что блокадники Ленинграда утверждают: одно из самых сильных, достоверных произведений о блокаде – «Ленинградская поэма» Яшина, особенно сцена толкучки – «блокадного универмага»:

На углу толкучка,
Замедлен шаг, –
Это блокадный
Универмаг.

В рваных ватниках матери,
В женских шалях отцы.
Голодные покупатели,
Голодные продавцы.

Нет ни мясных, ни молочных –
Нет рядов никаких.
Всё без весов – с руки,
Но взвешивается точно.

(...) Здесь на углу, на народе
Хоть с полчаса побудь
И ничего не забудь.

Медленно, медленно ходим,
Чтоб никого не столкнуть.
Боль распирает грудь. (...)

Так же правдиво в этой поэме прославляется ледяная, через Ладогу, Дорога жизни, по которой и сам истощённый поэт был вывезен из блокады:

«...Не летают вороны,
Не летают сороки,
Только в обе стороны
во всю ширину дороги,
в оттепель и в морозы,
В клубах снежной пыли
Идут обозы
И автомобили.
Словно бы неторопко,
Как муравьи по тропкам,
А приглядишься – несутся, –
Льды метровые гнутся.
Идут на виду у врага
Весь день, всю ночь до утра.
В немце все берега,
Идут – нипочём пурга,
Машины как буера.
Слава вам, шофера!
С воздуха как ни бомбят,
С берега как ни бьют –
Этих невымытых ребят
Немцы с пути не собьют.
Если вблизи от дороги
По льду хлестнёт снаряд,
Парень свернёт немного
И догоняет отряд.
Если машину под лёд
Бомба, всплеснув, забьёт,
Задняя, прорубь объехав,
Снова вперед идёт.
Что б ни случилось на свете,
Грузовики идут.
Хлеб и тепло везут –
Их ленинградские дети, смерть отгоняя,
ждут».

Я родилась в год Победы, но читать эти строки без слёз не могу.

Одна из последних записей писателя в дневнике 1968 года, уже в больнице, за два месяца до смерти загадочна и символична: «Немцы, услышав, что русские якобы приохотились кидаться на амбразуры дотов, обзавелись немудрыми металлическими прутьями – кочергами, чтобы, оттолкнув дурака, продолжать бить умных». За несколько дней до смерти его слова и о себе: «Человек воинственный, воин – изранен пулями. Борется со смертью...»

Свидетелем Яшин стал своими летописно-исповедальными дневниками, которые он вёл всю войну и после. Да и всей своей жизнью.

Война стала переломным моментом, водоразделом не только во внешней жизни писателя, но и в становлении его внутреннего мира и творчества. Всё его творчество так или иначе отталкивалось от переживаний военного времени. И критик Андреев увидел это: «В дневниках сохранено то напряжение творческого духа, без которого нельзя себе представить подлинного художника. В эти годы формируется ядро послевоенного творчества Яшина... Эти страницы – великолепная психологическая проза, прорыв поэта в шестидесятые годы. Разной оказалась судьба яшинских замыслов, но то, что именно в годы войны зарождались основы яшинской лирической прозы, светлых и тревожных стихотворений, которые вошли в сборники «Совесть» и «День творенья», – это несомненно».

Война по-новому высветила отношение писателя к родной земле. Вот какие чувства испытал в его рассказе «Фронтовой редактор» молодой воин, только что прибывший на фронт, при виде родной земли в беде: «Некогда русские люди особенно сильно начинали чувствовать свою любовь к Родной земле, когда уезжали за границу, на Запад. Ему незачем было уезжать за границу, чтобы почувствовать любовь к своей Родине. Вот она вся – близкая и неузнаваемая – в крови, в слезах лежала перед ним и взывала о мести, и сердце его болело, болело за неё». Это чувство осталось навсегда в душе писателя: **боль за родную землю**. Причём он и само творчество связывает с тем как живёт наша земля и как живут на ней люди. Всё взаимосвязано. В рассказе «Угощаю рябиной» Яшин пишет: «...дело в том, что я не просто выходец из деревни, из хвойной глухомани, – а я есть сын крестьянина. ... жизнь моя и поныне целиком зависит от того, как складывается жизнь моей родной деревни. Трудно моим землякам – и мне трудно. Хорошо у них идут дела – и мне легко живётся и пишется. Меня касается всё, что делается на той земле, на которой я не одну тропку босыми пятками выбил; на полях, которые ещё плугом пахал; на пожнях, которые исходил с косой и где метал сено в стога».

Именно с военного времени такое отношение проходит через всё творчество писателя. Запись 1946 года: «Удивительное, окрыляющее душу чувство любви к родной земле, страстное желание ей добра,

силы, изобилия, славы порой захватывает меня всего. Хочу всем и каждому из нас счастья, успехов в работе, долгих лет жизни. И ещё хочу, чтобы ощущение радости и какого-то полёта души было доступно каждому человеку, чтобы каждый хоть раз в своей жизни испытал это благородное слияние всего себя с Родиной нашей и уже никогда больше не забывал бы этого животворящего очистительного святого чувства». Говорят, что «Благодать – есть Бог, ощущаемый сердцем». Как это восторженное состояние, похоже именно на Благодать, которой он хочет со всеми поделиться. И в самом конце жизни, обращаясь с последним новогодним поздравлением к своим землякам-вологоджанам в 1968 году, Яшин испытывает то же чувство любви – благодати: «Земля моя любимая, вологодская! Люди добрые, многотерпеливые, воины верные, трудолюбивые извечные! Говорю родной, окающий, милый сердцу моему! Сосны красностволие, не гнушиесь ни перед какой бедой, березы – утешение души человеческой, заповедные вязы на Темном мысу, забывчивый Липин Бор, Угор Бобришный – горе и радость мое! Бедные наши медведи и зайцы, жадущие, как все живое, доброты людской и ласки!

МИР ВАМ ВСЕМ! Мира и счастья желаю вам в новом году, бодрости и радостей, любви и согласия! Новой славы и новых свершений! Бог на помощь вам, труд на пользу! Да процветает земля, породившая и вырастившая нас, а мы – ее надежные и верные сыны навеки!»

Война дала и восхищённо-любственное, бережное отношение не только к родной земле – Творению Божьему, но и к людям. «С любимым ты мог служить в одном полку, делиться на походе сигаретой... Спешу ему помочь, он не чужой...»; «Когда ж мы научимся друг друга беречь?» – задаёт поэт один из главных вопросов, соответствующий заповеди о любви к ближнему; «Помни: завтра может его не быть. Ты навсегда потеряешь его... Спешу любить, жалеть и любить»... – обращается к каждому.

Демобилизовавшись, Яшин не перестал быть воином, он остался им уже и в мирное время до конца своей жизни. В его творчестве – и довоенном, и военном, и послевоенном часто встречаются слова «земля», «поле». Впрочем, это естественно, ведь Александр Яшин – крестьянин, воин, поэт. «Как заброшенное поле, мой рабочий стол»; «На поле боя моряки трудились как на обмолоте...» – сравнивает он.

Постепенно он понял, что **поле боя** существует всегда. Видение это не сразу пришло к нему. Сражения идут и в мирное время против всего темного, злого, что он увидел в жизни. Сражения за правду, против нестроений в обществе, против теплохладности и бездушности, против «чиновного воинства», у которого по его словам «По рангу – достоинство, Зарплата – по должности, Ум – по возможности». Сражения идут и в самом себе. Большая часть его стихотворений 50-60-х годов носит исповедальный характер, покаяние. «И я обманывал, И мне, бывало,

Достоинство мужское изменяло» – для таких строчек нужен не только талант, но и мужество. Война объявляется самому себе.

Не случайно одно из первых военных стихотворений Яшина называется «**Поле**». Поэт видит уничтоженное вражескими танками, снарядами поле ржи: «Полюшко родное! /Светлый воздух. /Политая потом грудь земли. /Уцелели радуги да звёзды... /Чистым полем варвары прошли.»

За два года до окончания войны он пишет стихотворение «Поле боя», обращаясь не только к современникам, но и к будущим поколениям о сохранении памяти того, что было на мирных полях, какие сражения, какой ценой даётся мир. Побывать на поле боя – это как завещание. В стихотворении есть такие строчки:

*Можешь землю не пахать,
Не косить, не жать – ты волен:
Будет цвести и вызревать
Без тебя родное поле;*

*Ни на чей удел заказ
В нашей жизни не положен,
Но на поле боя должен,
Должен ты побыть хоть раз,*

*Испытать солдатский труд
Да поспать в корнях у ели
И когда потоки льют,
И когда метут метели,*

*Чтоб по-новому любить
Всё, чем с детства мы богаты,
Чтобы жизнью дорожить,
Знать ей цену,*

Как солдаты.

Эта оценка, вернее переоценка своих чувств, отношения к родине началась тоже с войны и проверяется войной:

*«Ах, родина, лесная сторона!
Как всё стократ для сердца стало мило –
Брусника в чащах,
Рек голубизна, –
Война все чувства наши обострила».*

Вот насколько увеличилась его любовь к родине: в стократ! Меняется масштаб восприятия и мирной жизни. Об этом говорится в стихотворении 1942 года «Наши нелады»:

*«Нынче наши нелады
И не вспоминаются.
Пред лицом большой беды
Мелочи стираются.
Стали мы в войне любить
Каждый холмик родины,
Паутины тонкой нить
На кустах смородины».*

Поэт-воин пересматривает взаимоотношения с близкими людьми, когда пришла общая беда, общее

горе:

Как мало мы дорожили счастьем:
Не всё понимали, – не берегли,
Не представляли, какие напасти
Придут на порог родимой земли.

И нам надо учиться этому у своих отцов, дедов,
прадедов. постигших всё на личном опыте участни-
ков той Великой, Отечественной.

Война продолжалась в творчестве поэта. Образ
земли-поля, связанный с войной сохранился и в посл-
едних стихотворениях. Сам он назвал их сопостав-
лениями:

*«Эх, полюшко, Поле боя!..
Теперь-то оно другое.
Но мне не уйти от сравнений,
Добытых ценой войны.» (...)*

Александр Яшин был верным воином во время
внешней опасности для нашего Отечества. Он ос-
тался воином, солдатом в строю и после окончания
войны, ведя войну за духовное прозрение и совер-
шенство, во времена политики государственного ате-
изма, когда надо было доказывать о существовании
души человека:

*Скучный и злой, наверно, был
Тот, кто, надев мундир,
Мёртвой природою окрестил
Весь этот добрый мир.*

*Он и в другом убедить спешил,
Чувства и честь глуша.
Будто бы нет у людей души...
Есть у меня душа.*

Душа во время опасности получает уроки уско-
ренным курсом. И главный урок Яшин вынес такой:
так же, как гнали с родной земли врага, по пяди осво-
боджая территорию, так каждый должен вести сра-
жение в самом себе за чистоту души от всего нанос-
ного: «Мне бы душу чистую сохранить», – писал поэт.
«Чтобы получить право воспитывать других, надо,
прежде всего, воспитывать себя...» – это из статьи
«Жизнь требует!»

«Развивайте свою душу, – писал он, – она мо-
жет стать зрячей. Это зрение необычайно – зрение
души, а не глаз...» И это необходимо для писателя,
который идёт вслед за священником, выполняя мис-
сию мирского духовника. Особенно это важно было
во времена навязанного атеизма. Но и сейчас, когда
религия не под запретом, голос писателя, призываю-
щий спешить делать добрые дела, порой бывает ре-
шающим. Читатели так и обращались к поэту в пись-
мах: «Поддержи, заступись... Защити... Дай совет...
Добрый дай совет...»

Даже в стихотворении «Чудо-сабля», где расска-
зывается о подаренной игрушке – сабле маленькому
сыну, не увидевшему ничего в ней, кроме «крашеной
палки», он представляет себя маленьким бойцом,
сражающимся за правду. Сказано же, что «Правда –
это жертва, которую требует от нас Бог».

«Мне бы в детстве саблю такую,

*Чтоб по росту и по руке,
В золочёных ножнах,
Кривую,
С красной кисточкой на шнурке!
Неожиданную обнову
Как награду бы я берёг,
С ней носился бы по Блуднову,
Под собою не чуя ног.*

*И учил бы, пусть неумело,
Босоногих своих друзей,
Как стоять за правое дело,
Вызволять из беды людей.
Не давал бы своих в обиду.
А друзья у крыльца гурьбой
Утром ждали бы:
Скоро ль выйду
И когда поведу их в бой». (...)*

Образ поля – не случаен в поэзии Яшина. Поле,
по Евангелию – образ мира; «доброе семя, это сыны
царствия; и плевелы сыны лукавого». По известным
словам Достоевского – «Диавол с Богом борется, а
поле битвы – сердца людей». И очищать душу от
всякой скверны должна помогать литература. Доб-
рое семя должно возвращать не только священникам,
но и подлинным писателям, получившим свой дар от
Бога, пишущих в традиционном, нравственном, клас-
сическом стиле, в русском духе, осуществляющих
служение своему народу через **слово**. Александр
Яшин в своём выступлении на съезде писателей в
1965 году напоминал своим собратьям: «Пора вспо-
нить, что мы всерьёз являемся продолжателями луч-
ших традиций **великой русской литературы**, той
литературы, которая называлась совестью народа, с
которой считались все – слабые и сильные мира сего,
на которую с надеждой взирали униженные и оскорб-
лённые, к которой прислушивался весь читающий
мир». И Александр Яшин был представителем имен-
но такой литературы.

Интересно, что в древности был обряд «**Испо-
веди земле**», который осуществлялся перед обык-
новенной церковной исповедью. В молитве так и чи-
талось: «И тебе, земле-матери, согрешил есмь душою
и телом». Достоевский одному из своих героев гово-
рит: «Поклонись народу, поцелуй землю, потому что
ты и перед ней согрешил». Как это важно нам сей-
час понимать. И вот Яшин интуитивно понял это.
Такое же чувство вины, покаяния переживает он в
своём творчестве. Через мать-крестьянку он обра-
щается ко всему народу, раскулаченному, разорён-
ному, обогланному, высланному:

*Прости меня, мама,
прости, что пусто в твоей избе,
а я это вовремя не заметил.
Прости, что я не заметил, что ноги твои
отекли,
что пальцы на руках скрючило от работы.
И вслед за этим обращается к полю – родной
земле:
Прости меня, поле за неурожай, за пустоши.
Прости меня, моя родная земля,*

*я рождён здесь для того, чтобы видеть
и обо всём рассказать другим,
а я долго на всё закрывал глаза.*

Земля! Вся жизнь русского поэта Александра Яшина, крестьянского сына связана с землёй. Он рассказывал как отчим присыпал пахотной землёй ранки, получая как лучшее исцеление. Поэтому отношение у него к земле-матушке особое – сыновнее. И, несмотря на то, что, как он говорил, сигналы его там, наверху, сильными мира сего не принимались, писатель многое успел сказать. Он сражался за нашу землю и на фронте и после войны, когда национализированная земля стала общей – ничьей, когда облагали непосильными налогами приусадебный участок, урожаем с которого кормилась вся семья, когда не давали накосить на свою корову, поджигая стожки на живых людях. Об этом рассказано в его повестях «Выскочка», «Сирота»: «Бесхозная земля рожать не будет, надо, чтобы земля не осиротела», «Земля осиротела, лежит неухоженная, необласканная, последние силы свои теряет». Сиротство понимается и более широко, как сиротство духовное, когда многие живут без Бога, не уповая на Него. Сиротство – разорение семей, междоусобица, разделение... А известно, что дом, разделившийся сам в себе – погибнет... Всё это напрямую имеет отношение к нашему времени, принимая другие формы: захват пришлыми хозяевами и продажа земли, отторжение крестьянина от неё, изгнание с неё теперь другими путями... И сегодня не принимаются сигналы там, наверху «чиновным воинством». ...Распадаются семьи, делятся, продаются, рушатся дома. Уничтожается понятие родового родительского дома, гнезда.

Защищал Яшин прежде всего русскую деревню. Он считал, что деревня – опора жизни русского государства: «Крестьянин, что Савелий – богатырь савторусский, походил на атланта, который держит на себе не просто балкон, дом, а больше – всю страну нашу, весь шар земной».

«О деревне надо думать – в кино, в прозе, в стихах – от этого никуда не уйдёшь», – говорил он. И первые мысли его о том, как он вернётся в родную деревню, поле: «Не разучился ль ходить за плугом?» Земля! Он так скучал по ней...

Гибель деревни описал Яшин глазами Устиньи, последней жительницы деревни, в повести «Баба Яга», созданной в 1960-м году и изданной только через 30 лет после этого. Сам автор так объяснял суть этой повести в рабочих записях: «И вот на острове осталась одна Устинья. Одна – одинёшенька. Это председатель назвал её Бабой Ягой. А она любит людей, тоскует по ним. Баба Яга. Мозг работает и душа работает. Баба Яга не может быть плохой во всем и не вызывать жалости и сочувствия. Это опозоренная, разграбленная, неграмотная, но сказочно богатая самобытностью, одаренная, изнасилованная, обиженная, многотерпеливая русская деревня. Когда она погибла – тогда поняли ее и пожалели». Но... не умирает русская деревня. Устинья «уезжает» на печке в сказочный мир памяти...

Остывают русские печи... Главное, чтобы не остыли наши сердца, наши души – об этом заботится писатель.

Войной выковывалась повседневность подвига, войной подтверждалась и православность русского человека в характере его бранного делания, служения своему Отечеству. Вот что писал Яшин о людях, благодаря которым мы победили: «Он скрывал от других то, что не нужно скрывать: Героическую борьбу с самим собой, со своими слабостями. Позднее, когда в его выдержке, упорстве, выносливости и самоотверженности другие увидели заслугу, он не сразу понял их. Героизм в повседневности, а не в вспышках храбрости, героизм не в том, в чём он его видел».

На войне по-особому воспринимается и отношение к природе, единение с ней: «Когда немцы из окопов были выбиты, комиссар вдруг почувствовал, что устал. Стрельба стихла. Двигаться дальше с семьёй бойцами, не дождавшись подхода группы, было нельзя. Он сел на песчаный выступ индивидуального окопа и, смахнув ладонью пот со лба, поднял голову. Над ним покачивались широкие светло-зелёные вершины сосен. Иглы были так длинны и на солнце так светились, что каждая ветка сосны, казалось, была окружена зеленоватым веерообразным сиянием.

– А сосны – наши! – вдруг подумал, словно догадался, Лебедев. Ему представилось, что каждое из этих деревьев он с детства знает и любит. Такие они родные все, северные. И как это хорошо, что они снова стали нашими. Это из военного рассказа «Архивариус».

Войной подтверждался характер русского человека: «Он принадлежал к тому типу людей, которые сами всегда держатся в тени, но без которых нельзя обойтись ни в каком серьёзном деле, потому что они терпеливо и безропотно тянут любой воз, какой бы на них не взвалили. Обнесут его чаркой водки на пиру – он не обидится, обделят куском хлеба в голодный день – он промолчит, и всё равно пойдёт на работу. Какой он был до войны, таким остался и на фронте. Только в мирное время его звали Иваном, а на фронте стали звать Ивановым. Трудно сказать, когда наступает у такого Ивана предел выносливости и долготерпения, но предел этот, надо полагать, всё-таки, есть», – рассказывается об одном из героев его военной повести. Похоже, что это русский характер, воспитанный и выкованный православием. Народный образ. Терпение, кротость, смирение, доброта, скромность и безоговорочная исполнительность. Думается, что и сейчас большая часть русского народа такова.

К этой характеристике примыкает запись 1944 года: «Не одни патриотические и боевые традиции русского народа, но какая-то вечная неизменная стойкость русского человека обеспечили нам победу».

О военных дневниках Александра Яшина можно сказать словами автора из его рассказа «Фронтной редактор»: «В киоске купил клеенчатую тетрадь для

дневника. Без дневника сейчас никак не обойдётся. Ничего не должно быть забыто из совершающегося. Не уцелеет сам – будет жить его дневник. История соберёт много фронтовых дневников, и они помогут понять, чем был велик русский человек в этой Отечественной войне с немцами».

Если даже кратко посмотреть его военные дневники от начала и до конца – можно увидеть, как он духовно рос, мужал, стойко держался правды, несмотря на то, что как рассказывают очевидцы – его хотели просто уничтожить – и не немцы, а свои – штабные чиновники. Война не только здоровье подорвала. Подорвана была вера в правильность того, что он увидел и на войне и после – произвол чиновников-самодуров, тщеславных, корыстных, поставленных у власти. Сначала это было разочарование в отдельных лицах, частных случаях, но постепенно переросло в масштаб государственного устройства. Победа всё перекрыла, радость её, когда весь народ не мог усидеть дома, вышел на улицы, обнимая, целуя друг друга, незнакомых доселе. И, несмотря на послевоенное служение тому строю, в котором все жили, утверждению и возвеличиванию его, прославлению так, как он понимал, трезвая оценка всего происходящего началась с войны. Постепенно началось сражение за самого себя, за правду в себе, поиски этой Правды и Истины. И когда что-то удавалось, его за это жестоко наказывали, прорабатывая в прессе, на партийных собраниях.

Сражался воин Александр со всем, что он видел в жизни, говоря его словами «фальшивого, грошевого, пошлого...».

Сражался поэт **словом**. «В несметном нашем богатстве слова драгоценные есть: «Отечество, верность, братство, а есть ещё совесть, честь».

Поднимал вопрос об экологии, о нашем отношении к животным, растениям, птицам. Очень интересно, глубоко прочитал стихотворение Яшина «Покормите птиц» писатель Евгений Носов, как он говорит: «Достал меня Яшин» и, взяв за основу как тему-мелодию стихотворение, оркестровал его, создав замечательный рассказ «Покормите птиц». К сожалению, мы стали поверхностными читателями. Мало кого сейчас «достают» простые и одновременно глубокие строки о птицах и о нашем отношении к Божьему миру...

Поднимал вопрос Яшин и о русском языке, печалась об исчезновении коренных русских слов и не только отдельных слов: «Слишком беспечны мы в отношении сохранения русского национального духа в современной советской поэзии». Замените слово «советской» другим, соответствующим сегодняшнему нашему устройству и увидите, что суть оставления своей территории, «наших сосен» остаётся неизменной. И за это тоже надо бороться.

Помогал всем честным писателям, собирая их, сплывая. Это касалось не только земляков-воложан, но и многих других. Восторженно отзываясь о повести Курочкина «На войне как на войне», Яшин

писал незнакомому автору: «Если моё имя Вам что-нибудь говорит, имейте в виду, что отныне я Ваш друг и Ваш постоянный читатель. Буду счастлив, если смогу когда-нибудь быть Вам в чем-нибудь полезным». Прочитав очерк П. Ребрина: «Головырино, Головырино», он пишет ему: «Молодой вы ещё, наверно. Руку!»... Много ли сейчас таких писателей, которые объединяют, поддерживают... «Выстоять, не согнуться учусь у тебя, – писал Василий Белов». И многие могли бы под этим подписаться, не только вологжане. И это уроки войны. А мы не вылезаем из междоусобия, из препирательств, соперничества, тщеславия, из ненавистной розни мира сего. И с этими древними врагами нашими и наших дней надо беспощадно сражаться.

Разные записи есть в военных дневниках писателя. «25 мая 1942 года: Хорошие люди идут на фронт, сволочи отсиживаются в интендантах. Хороших много убьют. Дрянь останется вся. Как будем жить после войны?» Он всё время волнуется: что, как будет после победы, в которой он с самого начала войны ни минуты не сомневался. Из выступления на молодёжном митинге в Ульяновске 19 апреля 1943 года: **«Русские люди снова поднялись на немцев всем миром – фронт и тыл, мужчины и женщины, верующие и неверующие. Велик русский человек в своём патриотизме. (...) Лучшее работать в тылу. Будьте благородными в отношениях друг с другом, с пострадавшими от немцев, прибывшими сюда. Нам вместе праздновать победу.»** В этом же выступлении он напоминает слова Кузьмы Минина волжанам: «Жён своих заложим, а отечество выручим». Теоретически это возможно, почти легко, а на самом деле как трудно, почти невозможно. Также как читать в учебниках одной строчкой, что в 1612 году было Смутное время и сколько продолжалось оно. Также будут писать и про нынешнюю «Перестройку», а прожить это как? А пережить это как? А назвать-то как?

Вслух о войне Яшин даже в кругу семьи почти не вспоминал. Помню несколько эпизодов, рассказанных отцом: когда они въезжали в блокадный Ленинград, навстречу шли грузовики, вывозившие трупы с развевающимися по ветру волосами. О голоде... Обо всём этом уже после его смерти я прочитала в его военных дневниках. Тогда же он сам себя прерывал, говоря взволнованно: «Не могу, не улеглось ещё...» Но надо сказать, что детей своих Яшин возил на места больших сражений: в Сталинград, в Севастополь, в Новороссийск. Помню, как он остановил машину у Курской дуги, объясняя нам, какие здесь были жестокие бои. В 1960 году он посетил Лебяжье под Ленинградом, где начинал службу. Помню его серьёзное, какое-то отрешённое состояние, когда он ходил по земле, где шли бои. Запись в дневнике 18 июня 1960 года: «Поездка в Петергоф, Ломоносов (Ораниенбаум), Лебяжье, Красная Горка... В Лебяжьем с трудом нашёл место, где служил в 1941-1942 годах. Штаб укрепрайона, политотдел, ре-

дакция газеты «Боевой залп», госпиталь, в котором я лежал. Вспомнил погибшего Звонкова.

Проехали к Красной Горке до последнего шлагбаума. Дальше нельзя. Мне уже нельзя. И я не настаиваю, не хочу идти доставать пропуск... Но знали бы эти молодые ребята со штыком на поясе – сколько моей жизни осталось здесь, в этих сосновых лесах, на берегу Финского залива!»

Тогда отца не пустили. И через много лет, уже после его смерти я поехала по всем тем местам блокадного Ленинграда, которые указаны в его дневниках. Была и в Лебяжье. Меня указали, что и билет на электричку не продадут без удостоверения, пропуска. Но пропуск невидимый был, люди-попучики, когда я спрашивала, что мне надо и как попасть – сочувственно объясняли мне, даже с очевидным почтением, словно это я воевала здесь. Я была и на Красной Горке – «круче лесной» и на маяке, и на фортах, и на узкоколейке, по которой ходили тогда легендарные бронепоезда, а теперь выросли между рельсами высокие сосны. Удивительно! Сам отец вёл меня по своему полю боя. И даже с вышек меня не заметили, не видели, хотя и собаки отчаянно лаяли. Шла то по круче, то вдоль залива, в который впадали небольшие речушки и удивлялась, что здесь растёт такой же серебристый мох с тёмным брусничником по нему и красными ягодами как и в Чистом Бору на Бобришном Угоре, где он и похоронен.

Кем бы ты ни был, ты должен побывать на **Поле боя**, если не буквально, то душой, чтобы засеять поле своего сердца, души своей, семенами вечной памяти, благодарности, любви к своей родине, к её истории, её героическому прошлому, к тем людям, известным и неизвестным героям, которые защищали её от врагов, веря в правое дело – Победу своего народа, своего Отечества.

Из середины войны, ещё в 1943 году он завещал будущим поколениям, помнить войну, помнить тех, кто воевал. Не снимать шинели...
Как он писал брату:

*«И впредь не будем спокойны
Как войны будем жить:
Пока на земле есть войны,
Шинели будем носить».*

А через тринадцать лет после войны он помечает в дневнике: «Для стихотворения об Армии. Мы стали кровь и плоть её – как же нам не любить нашу армию. Любим вдвойне ещё и потому, что случись что, все мы будем в её рядах. Мы встанем все в её ряды. Все до единого». Армия каждой страны – это её земной ангел-хранитель. И сегодня мы должны находиться в запасном полку, чтобы в любой момент быть готовыми поддержать её.

Опыт войны, завещанный нам нашими дедами, отцами, нельзя забывать, нельзя благодушеествовать. У Яшина есть такие строки:

*«Вспоминаю о войне:
Если б не война!
Сколько бед родной стране
Принесла она».*

В шестидесятые-семидесятые годы XX века старшее поколение часто говорило тогда молодым: «Вам столько не пережить, сколько нам довелось... Война!.. Только бы не война!» А не так давно, когда я спрашивала в разорённых деревнях на родине Яшина, покинутых трудоспособными жителями – это 500 км на восток от Вологды: «Когда было тяжелее жить сейчас или после войны», люди отвечали коротко: «Сейчас!» «Но ведь тогда в каждом доме была похоронка, и у многих не одна. Кору ели...» «Сейчас тяжелее!» – повторяют и поясняют:

*«Тогда надежда была.
Сейчас надежды нет».*

И, несмотря на всю нелюбовь к советской власти, разорившей самые крепкие хозяйства, поставившей у правления бобылей, как их звали в народе – нерадивых, ленивых хозяев, несмотря на всю глупость и вредительство директив, спускаемых сверху, вроде обязательной кукурузы на Севере, добавляли: «Теперь уже нигде правды не найти. Без войны война». И мы все без исключения – участники её. Только кто на какой стороне: с Россией ли, с Богом, с нашим трагическим, но и светлым прошлым? Или?.. Без войны война. Вот какое определение дал наш мудрый народ в самом начале перестройки этому бесконечному смутному времени. Вот, что нам довелось переживать. У этой войны, говорят, нет лица, только маска... На самом деле есть. Если после той войны были разбитые сёла и города, братские могилы, то теперь разогнанные деревни, доживающие как дачные поселки, заросшие поля, отравленные реки и моря, отданные за так наши земли и полезные ископаемые, изувеченные души людей пропагандой насилия, разврата, лжи, просто умершие от отчаяния... И число погибших за «перестройку» превысило потери войны. Много можно перечислять. Все знают об этом. Земля наша сейчас снова в опасности. Она снова стала полем битвы. Нам и нельзя терять чувство опасности, нельзя обманываться временной сытостью импортными чипсами, нельзя снимать свои шинели. Враг задействовал все свои арсеналы...

И всё-таки нельзя терять **Веру, Надежду** и, главное, **Любовь** к нашему Отечеству. Замечательный православный писатель Поселянин так писал в начале XX века: «Свято всякий русский человек любит свою родину... Русские чтут Россию как святыню души, молятся на неё. Чудным образом любовь к родной стране переплетается у них с верой в Бога». С этой любовью наши отцы, деды молились, защищая своё Отечество, неимоверными усилиями завоевывая победу. «На Невском – Все памятники победы, Балконы, мосты и арки ворот – Всё на дыбы от огня встаёт... Когда бы ты знала, какие беды Выносит **железный русский народ...**» писал Александр Яшин. Надо твёрдо осознавать, что и новые поколения всё тот же «железный русский народ».

И нам Александр Яшин оставил завет быть воинами всем без исключения, учиться вести войну разными способами: и литературой тоже. Но только настоящей, правдивой, подлинной литературой. Не про-

сто поэт, а только поэт-воин мог написать стихотворение «Я обречён на подвиг...». «Я обречён на подвиг, И некого винить, Что свой удел свободно Не в силах изменить». Так звучит первая строфа. Что значит «Не в силах изменить»? Значит это определено ему, дано свыше, помимо его воли. Поэт избран на подвиг. Больше того, он «этот трудный жребий», доверенный ему, как избранному, принимает, как послушание, «как благодать». Он видит реакцию среды, окружавшей его:

*«Как рыцарь старомодный,
Я в их глазах смешон»;*

*«А други смотрят просто,
Какое дело им,
Крещусь я троеперстно
Или крестом иным».*

*Далее спрашивает:
«Что ждёт меня? – не знаю,
Живу не как хочу
И ношу поднимаю себе не по плечу».*

Он прямо говорит, что своих бы сил не хватило, но всё-таки ношу **поднимает**, несмотря на её непосильность. И ясно: поднимает не один, а с Божьей помощью.

Интересно как соотносится конец этого стихотворения: «Ползу на амбразуру, клинок в зубах держа» с его записью военного времени: «Краснофлотец заслонил своим телом амбразуру немецкого дзота. Он остался жив и его спросили, как он решился на смерть. Он ответил: «Мне тяжело было видеть, как падали вокруг мои товарищи». А сколько таких безвестных Матросовых было. Один Бог ведает. Тут сразу приходят Евангельские слова: «Нет больше той любви, как если кто положит душу за друзей своих». Так всегда воевал и Александр Яшин. И стихотворение «Я обречён на подвиг...» кончается словами: «Ползу на амбразуру, Клинок в зубах держа». Подвиг сражаться в любых условиях, с любыми противниками... Уже тогда Яшин понимал изошрённость, коварность скрытого врага и всю тяжесть борьбы с ним. «Да нужен ли мой подвиг? Ко времени ли он?» – спрашивает поэт. Ко времени и нужен. Подвиг этот предстоит и всем нам. И мы обречены на подвиг. Подвиг собственного Спасения. Жить и сражаться среди врагов России, «мирно» оккупировавшим её. Вести войну с врагами нашей родины другими, неизвестными нам ранее мудрыми способами. Не терять надежды на Победу... Подвиг Спасения наших душ и нашего Отечества. И это тоже взаимосвязано. И одним совершить этот подвиг нам не по плечу. Поднять эту ношу может помочь только Господь при нашем к Нему обращении. Александр Яшин понимал, что главное – борьба нравственная, духовная. Ибо без нравственного начала нет и классических произведений литературы. И понимание этого дала ему так же война. **И Победа.**

Строки дневника: «24 июня 1945 года: «Парад Победы, посвящённый встрече победителей и демонстрация. Лил дождь, было холодно, и праздник не удался. Демонстрантов распустили, все промокли. Воздушного парада не было».

Мы зашли в одну церквушку. Троицын день. Поют: «Поддай, Господи!» И это слилось с приветственными лозунгами: «Слава Красной Армии, подружившей знамя Победы над Берлином!» «Поддай-ай, Господи!»

Удивительно, что уже тогда для Яшина эти слова: духовное прошение – молитва и слава победы слились воедино.

Да, он остался воином на всю жизнь и постепенно своим служением, борьбой за совесть, честь, верность Отечеству перешёл в высший разряд служения Истине, став воином Христовым. Он причастился, соединившись с Господом. Последние его слова были: «Господи, я иду с Тобой на соединение». Матьер Божия, к Которой он обращался в одном из своих стихотворений с мольбой о помощи духовной:

*«Дай мне выбиться из тупика,
Из распутия, из бездорожья...»,* – вывела его.

Отпевали воина Александра в храме святителя Николая Чудотворца, что в Кузнецкой слободе. Хоронили в лесу, на Бобришном Угоре, высоко над рекой, где он выстроил избушку для работы и где завещал себя похоронить. Кроме венков, цветов, прощальных слов, множества народа, сошедшихся со всех окрестных деревень, были залпы из ружей – воины отдали последний салют воину.

Константин Леонтьев, говоря о творчестве Достоевского кроме различных эпитетов и определений, сказал просто: оно полезно. Вот и творчество Александра Яшина – полезно.

Яшин уверен был, что **«Нам и поле поднимать с руки»**. Поле нашей родины, наших земель и поле наших душ. Русскую пословицу о мужике, который не перекрестится пока гром не грянет, надо полагать, знают все. Гром уже гремит. Пора и перекреститься. «Поддай-ай, Господи!» И сейчас на эту **войну без войны** надо брать в строй и призывать на помощь не только сонм наших святых, в земле Российской просиявших, но и настоящих наших писателей, художников, музыкантов, учёных живущих и ушедших, которые помогут своим творчеством, примером жизни, любовью своей давать верное направление душам людским. Учиться у наших воинов-ветеранов действенной любви к Отечеству, повседневному кропотливому подвигу. И помогут они, как помогли святые Борис и Глеб сроднику своему, святому благоверному князю Александру Невскому. Соединить, слить молитву с решимостью, действием, каждому поднять свою ношу с Божьей помощью для общей Победы.

Тем более, что празднование нашей Победы в Великой Отечественной войне **всегда** приходится на Пасхальные дни – Воскресение Христово.